

Г. ИВАНОВ

Памяти Вячеслава Иванова

Вячеслав Иванов, как поэт, занимает в группе русских символистов почетное, но, скорее, второстепенное место. Зато не может быть спора о его значении как теоретика и основоположника русского символизма. Здесь он был первым. Был, в буквальном смысле слова, мозгом движения и его вождем. И оказался одной из его главных жертв.

Доктрина русского символизма в основе своей была порочна. В отличие от символизма французского, у которого он заимствовал имя и некоторые внешние черты, русский символизм не был и не желал быть только литературным движением. Русские символисты стремились создать одновременно и сверхискусство и новую религию. Они хотели, по выражению Зинаиды Гиппиус, «Того, чего нет на свете»¹. И их творчество было богато всем, кроме трезвого отношения к жизни и искусству. Красных шариков здоровья, бывших даже у Надсона², не было в их «лунной крови»³.

Они напоминали алхимиков, ищущих философский камень⁴, или византийских мудрецов, споривших о фаворском несотворенном свете⁵. Отсюда их позы жрецов, вещания, пророчества, проверка мистики дифференциалами и — в конечном счете — после сказочно-быстрого расцвета — такой же быстрый распад и творчества отдельных вождей символизма, и явления в целом.

Ко дню смерти Толстого — русский символизм был конченным делом⁶. Называю эту условную дату — 1910 год, — чтобы подчеркнуть, что русская катастрофа в банкротстве символизма ни при чем. Он погиб сам по себе, погиб от того же яда, напитавшись которым, расцвел. Сложного, очень русского яда, где

перемешано многое, от всечеловечности и мистицизма до нечаевщины...

Вячеслав Иванов, всем своим обликом как бы «символизировал» русский символизм — и его внешний блеск, и его внутреннюю пустоту. Эпоха русских символистов не стала эпохой золотого века русской культуры. И Вячеслав Иванов не стал одним из самых замечательных «людей не только России и не только 19 века»... Внешностью, блестящим разговором, осанкой «жреца» — он, действительно, такого человека напоминал — казался русским «почти Гете». Но его реальная ценность, творческая и человеческая, была далека от того, чем он, как и символизм, в свое время казались.

Что останется от символизма в целом? Это долгий и сложный разговор. Что останется от Вячеслава Иванова лично? Я думаю, немного. Несколько пронизательных и несколько спорных мыслей, всегда облеченных в нарочито туманную витиеватую форму вещей. Несколько тяжеловесных строф, образчиков большого таланта и бесплодного мастерства. Главного, что в нем было — огромного личного обаяния — бумага и типографская краска — увы — не сохраняют.

1949

